

Доминик
Десанти

Встречи с матерью Марией

неверующая о святой

Перевод и переработка
для русского издания
Татьяны Викторовой

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2011

УДК 241.1
ББК 86.37
Д85

Десанти Д.

Д85 Встречи с матерью Марией: неверующая о святой / пер. и перераб. Т. Викторовой. — СПб. : Алетейя, 2011. — 208 с., ил.

ISBN 978-5-91419-472-4

Жизнь этой замечательной женщины расколота пополам: первая половина — Россия, вторая — исход в 1921 году, эмиграция во Францию. Елизавета Юрьевна Скобцова покидает свою родину с огромным интеллектуальным багажом, политически определившимися взглядами с Россией в сердце, душевно подготовленной к монашескому пути.

На пути милосердия и милости сердца к ближнему, в вере в Бога была воспитана лучшая часть российского общества вплоть до 1917 года. Больницы, приюты, сельские школы, помощь неимущим, благотворительность в самом широком смысле постепенно стали традицией. Но волею известного исторического события Елизавете Юрьевне суждено было стать матерью отверженных не в Петербурге, а в Париже, окончив свою жизнь в нацистском концлагере в 1945 году.

УДК 241.1
ББК 86.37

ISBN 978-5-91419-472-4

9 785914 194724

- © Т. Викторова, перевод на русский язык, 2011
- © Издательство «Алетейя» (СПб.), 2011
- © «Алетейя. Историческая книга», 2011

*Посвящаю памяти моего отца,
погибшего от рук нацистов*

*Посвящаю
памяти Жана-Туссена Десанти,
так любившего мать Марию*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Неверующая, в восьмидесятилетнем возрасте, пишу эту книгу — тридцатую и, наверное, последнюю — о святой.

Ничуть не иконописной святой. Она участвовала во всех грозных событиях первой половины двадцатого столетия, включая русскую революцию, была дважды замужем и трижды матерью. Позднее «юродство во Христе» привело ее к от-
важному погружению в «пустыню человеческих сердец». В оккупированном Париже, отвергнув требования нацистов, она вступила на путь мученичества, который привел ее в концлагерь Равенсбрюк и в газовую камеру, за месяц и девять дней до победы.

С февраля 2004 года все русские православные церкви Западной Европы отмечают 20 июля день памяти матери Марии (Скобцовой), точнее, — преподобномученицы Марии Парижской.

Французский православный мыслитель Оливье Клеман описывает ее так: «некрасивая, неопрятная, сильная, плотная, крепко сложенная — живая!».

С первой встречи я втайне называла ее «моей святой». Когда я увидела ее впервые, она не показалась мне красивой или некрасивой: высокий стан в черном. Ее взгляд задержался на мне, поскольку я была единственной незнакомкой на вечернем воскресном собрании в общежитии на улице Лурмель.

Этот взгляд не передал мне ее веры. Но он уверил меня в том, что я существую и что, будучи живой, должна любить живых.

Он помог мне преодолеть бунтарство и мучительные поиски переходного возраста.

Очень скоро я поняла, что в этом взгляде находили приют все потерянные, обезумевшие, пропойцы, проститутки, бродяги в лохмотьях.

Она, конечно, любила «близкого» ближнего, но отправлялась и в поиски «дальних», чтоб объять их своим состраданием. Она знала, что вернуть достоинство духу и душе можно лишь насытив и одев тело, когда отверженные будут в состоянии слушать. Заботясь о них, она не боялась запачкать ни руки, ни гордость; переносила их новые падения, их отказы и порой их оскорбления. Она верила в самые невероятные исцеления.

Когда я встретила ее, ей было 44 года и она прошла сквозь бури и грозы.

Будучи в моем возрасте, она обожала всепоглощающей и целомудренной страстью Александра Блока, самого удивительного поэта своего времени, влияние которого можно сравнить с Гийомом Аполлинером во Франции. Она вышла замуж за молодого почитателя поэта, чтоб спасти его от самоубийства, но быстро оставила мужа. В 1917 году, разведенная, с ребенком на руках, она активно участвовала в революции и чудом избежала смертного приговора. Страстно влюбилась и вторично вышла замуж за «белого» офицера, познала всю непрочность эмигрантского быта, неся ответственность за мать, троих детей и безработного мужа.

В Париже, в борьбе за ежедневное существование, она потеряла младшую дочь. Ее поглотила бездна отчаянья, и она почувствовала себя призванной Христом, который тоже отчаялся на кресте. Для того чтоб стать монахиней, ей пришлось выдерживать непонятную для близких борьбу.

Когда я встретила ее в 1935 году, ей это удалось, и уже три года как она была монахиней.

Сегодня, погрузившись в штормы ее жизни, я знаю, чем я, неверующая, обязана святой.

Как метко отмечает Оливье Клеман, она поняла, что революционеры любили человечество, но не человека. Иначе говоря, стремились улучшить человека, пытаясь изменить общество.

Иначе представляя себе изменение общества, я пришла к тому же убеждению — необходимости борьбы за «нового человека». Она первая показала мне, что нужно во что бы то ни стало защищать свое глубинное убеждение, вопреки собственным сомнениям и минутам отчаяния. Благодаря общению с ней, вдохновленная ею, я защищала те убеждения, с которыми она не согласилась бы.

Поэтому мне необходимо было попытаться понять и показать ее жизнь.

Оставим в стороне «по долгу памяти» и тому подобное: «по долгу» пишутся лишь канцелярские бумаги. Писать — это необходимость передать то, что преследует нас.

Мать Мария пребывала во мне и не оставляла меня.

Эта книга стремится оживить память о тех, кто были канонизированы вместе с ней: ее сына Юрия (отныне — мученика Георгия), священника лурмельской церкви Дмитрия Клепинина (священномученика Димитрия), наконец соратника матери Марии, обратившегося еврея Ильи Фондаминского (новомученика Илии). Я знала всех четверых.

Это не житие и не роман. Я лишь стремилась в точности понять путь «моей святой».